

© 2006 г. А. В. ПОРТНОВ

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛЬСКИХ МЕМУАРАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Пространство земель, которые вследствие разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. были включены в состав Российской империи, в польской традиции обозначаются как “кресы”, в российской – как “западные окраины”, в украинской – как “Правобережная Украина”, в белорусской и литовской – как соответствующие названия современных государств или “Великое княжество Литовское”. Каждой из национальных традиций свойственны собственные схемы и стереотипы описания этих земель, которые как правило проецируют национально-политические реалии середины XIX–XX вв. на более ранний период и концентрируются на “своей” памяти и “своей” правоте.

На момент разделов Речи Посполитой существовала сословно ограниченная (как и все политические сообщества Европы XVIII в.) “шляхетская нация” – национальное сообщество с мифом отдельного от остальных сословий происхождения (речь идет о сарматизме) [1]. При этом общность языка и даже религии не приближали этнически польского крестьянина к шляхтичу (см. [2, S. 42–90]). В то же время, в представлениях российских элит, и, особенно, в политической практике империи конца XVIII – начала XIX в. акценты на тождестве православной веры, а тем более этнического происхождения, распространенные с середины XIX в., прежде всего выполняют функцию идеологического обоснования вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой (яркая иллюстрация – тема защиты диссидентов, т.е. людей некатолического христианского исповедания в Польше [3, С. 321–356]). В целом, даже несмотря на опыт наполеоновской кампании, до 1830-х годов, ознаменованных польским восстанием, подход России к оценке ситуации западных губерний проистекал из сословно-династической природы империи, поэтому шляхта была прежде всего помещиками, а не поляками. Этнический состав населения практически не интересовал официальный Петербург (даже после восстания 1830 г. в имперской политике сословный подход не сразу уступает место национальному).

Именно сословная природа российской политики, а также свойственное Проповеданию представление о государственных нациях как субъекте политического бытия в значительной мере определили реакцию шляхты на исчезновение

Портнов Андрей Владимирович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института украиноведения им. И. Крипякевича НАНУ.

Статья написана в рамках проекта Die Teilungen Polens. Teilungserfahrung und Traditionsbildung при Трирском университете, поддержанном Volkswagen Stiftung.

ние Речи Посполитой с политической карты. Польская историография традиционно оценивала эту реакцию с позиций политического морализаторства (ср. [4]). Констатируя в целом пассивное восприятие разделов и стремление шляхты (особенно, “кресовой”) приспособиться к новому политическому контексту, историки оценивали их как свидетельство “упадка, унижения и деморализации польских политических элит”, а также как следствие нехватки патриотизма и “низкого общего уровня образования” [5. S. 231–233; 6. S. 15]. При этом растиражированную фразу магната ІІІ. Потоцкого из его письма (январь 1796 г.) к Северину Ржевускому: “Я уже не говорю о былой Польше и поляках. Исчезло уже сие государство и само имя, как уже исчезало столько других в истории мира. Каждый из бывших поляков должен выбрать себе отчество. Я уже навсегда россиянин” (цит. по [2. S. 125]), часто необоснованно объясняли в этнокультурных категориях, хотя в данном высказывании речь идет о смене политического подданства и понятном в свете идеологии Просвещения отождествлении ликвидации государственности с исчезновением нации [7. S. 52].

Очевидная для большинства исследователей второй половины XIX–XX вв. национальная идея (романтическое понимание служения нации, которая охватывает все сословия, отличается от соседей набором признаков национальной культуры и стремится к обеспечению своего национального бытия в отдельном государстве) была в начале XIX в. даже не *одной* из возможностей, но концепцией, находившейся в стадии формирования. Это особенно любопытно в польском случае, поскольку там процесс формирования современной нации начался с политической фазы, с определения нации как суверенного сообщества граждан [7]. Данная статья и является попыткой описания процесса перехода от словесно-исторической к этнокультурной модели нации, на примере отношения поляков к местному, этнически непольскому населению в мемуарах, написанных до 1830 г. и в первые годы после восстания. Предметом рассмотрения являются тексты, написанные авторами, связанными с территориями, которые после разделов Речи Посполитой стали западными губерниями Российской империи.

Будущий поэт и публицист Ф. Карпинский (1741–1825), происходивший из бедной покутской¹ шляхетской семьи, в своих “Воспоминаниях” пишет, что в день его появления на свет дом его родителей посетил будущий герой советской историографии, лидер опришков (крестьянского движения в форме социально-го бандитизма в Галиции и Буковине) Довбуш (Olexa Doboszczuk) с двенадцатью молодцами. Благодаря предложенному им щедрому обеду нежданные гости никого не обидили, а Довбуш даже попросил назвать автора воспоминаний в свою честь “Олексою” [8. S. 1–2]. После такого романтического вступления (которое, отметим, касается Прикарпатья, т.е. земель, отошедших по разделам к Австрии) русины надолго, а точнее, навсегда, исчезают со страниц книги воспитанника иезуитского коллегиума в Станиславе (нынешний Ивано-Франковск) и академии во Львове. Правда, Львов назван “русской столицей” [8. S. 20]. Отсутствуют рассуждения о населении и землях, включенных в состав России, куда Карпинский переехал в 1795 г. и где через семь лет посвятил Александру I свой

¹ Покутье – историко-географическая область, восточная часть современной Ивано-Франковской области (Украина), в документах XVIII в. – западный угол (укр. “кут”) Галиции между реками Днестр, Черемош и Карпатами.

морально-философский трактат “Разговоры Платона со своими учениками”, за что император отблагодарил его золотой табакеркой [9. S. 107].

“Воспоминания о Польше и поляках” М. Огинского (1765–1833) – яркое проявление литовской региональной идентичности в рамках польской политической шляхетской нации. Литовский магнат, сенатор и тайный советник более известный в наше время благодаря своему увлечению музыкой (плодом чего стал знаменитый “Полонез”), убеждал Александра I в целесообразности восстановления Великого княжества Литовского (ВКЛ). В его “Воспоминаниях”, написанных в 1815 г. по-французски и впервые изданных в 1827 г. в Париже, зафиксированы разговоры с императором, разнообразные проекты и мемориалы. Огинский предлагал создание ВКЛ как отдельной провинции в пределах империи в составе Гродненской, Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерний, а также Белостоцкого и Тернопольского округов. Благодаря этому, доказывал сановник, империя расположит к себе “навсегда около 8 миллионов жителей” [10. S. 35].

Рассуждая о литовской (не путать с современной Литвой) идентичности, Огинский утверждал, что “гордые своим происхождением литовцы, несмотря на объединение своей провинции с Польшей, сохранили свои обычаи, свой гражданский кодекс, свое управление…”, а в мемориале французскому генералу, написанном в 1812 г. для объяснения причин незначительности поддержки национальных войск в Литве, подчеркивал, что не существует “ощутимой разницы между поляками и литовцами, особенно в шляхетском классе, каковой сам, если можно так сказать, составляет тело нации” [10. S. 34–35, 182].

Проект объединения бывших провинций Речи Посполитой в одну административную единицу в пределах России не был реализован (несмотря на временную расположность к таким планам Александра I) не в последнюю очередь под давлением российских элит, в аргументации которых преобладали геополитические и историко-легитимизирующие, но не родственно-этнические положения [11. С. 436–438].

Написанное в начале XIX в. “Описание обычая во времена Августа III” Е. Китовича (1728–1804), исторического писателя, участника Барской конфедерации, практически полностью посвящено шляхетской культуре и лишь две заключительные страницы, “О крестьянских обычаях”, описывают одежду русинских, краковских, мазовецких и мазурских крестьян [12. S. 313]. Важно, что в этом описании “русский” имеет исключительно региональное измерение, так же, как характеристики “краковский” или “мазурский”.

В “Воспоминаниях моих времен” поэта Ю.У. Немцевича (1758–1841), родившегося в Соках на Берестейщине, в описании детских лет русины не появляются вообще. Упоминание о них помещено в контексте рассказа о пребывании на тех землях российского войска, присланного Екатериной II в качестве аргумента для шляхты после невыгодных для императрицы решений сейма 1766 г. Немцевич пишет: “Не были москали тем, чем они стали теперь, никакого изъестства, не умели ни есть, ни пить”, еще и принесли с собой “неизвестное до тех пор в Польше приставание к замужним женщинам”. И здесь в тексте появляются крестьяне: “Эта несдержаность, эти грубые приставания распространились из дворцов на местные крестьянские халупы, и впервые неизвестный у нас досель яд испорченности разлился и среди наших сельских простолюдинов” [13. Т. 1. S. 42–43].

Вскоре Немцевич оказался, как и было заведено среди выходцев из бедной шляхты, на магнатском дворе, в данном случае А. Чарторижского, владельца огромных поместий на Украине. Именно с двором князя Чарторижского Немцевич впервые в 1780 г. совершил путешествие по Волыни, Подолии и Киевщите: “В том путешествии я посетил красивейшие, плодороднейшие провинции моей родной земли… С настолько милым изумлением после песчаных Мазовии и Литвы увидел буйные нивы, зеленые дубровы, чистые воды Горыня, Стрыя, Случа, скалистые берега Днестра и украинские степи, которые не охватить взором”. Внимание поэта приковано к новым ландшафтам: “Те широчайшие, бесконечные поля, те редкие жилища и люди, та тишина, нарушенная лишь никем не пуганными орлами, которые кружат в небесной лазури…” [13. Т. 1. S. 127–128].

Летом 1786 г. Немцевич принял участие во второй поездке двора Чарторижских на Украину. На этот раз мемуарист попал в Киев, где увидел “схизматических святых, плавающих в масле в пещерах” [13. Т. 1. S. 314]. Это зрелище настолько поразило поэта, что описывая в следующем томе воспоминаний свое очередное пребывание в Киеве, уже в качестве арестованного за участие в восстании Т. Костюшки, он снова рассказывает про святых: “В Киеве находятся подземные пещеры, где в наполненных маслом штолнях хоронят московских святых числом несколько десятков, все в богатых одеяниях. Киев – Мекка москалей, каждый из которых считает своей обязанностью хотя бы раз в жизни посетить это святое место” [13. Т. 2. S. 128]. Из текста воспоминаний следует, что столь категоричный вывод автор делает на основании поведения своего конвоира офицера Титова, который считал необходимым посетить Киево-Печерскую лавру.

Таким же образом из единичного случая Немцевич делает общий вывод, описывая непродолжительную задержку в Чернигове: “Жители, которые еще помнят свое прежнее отчество, симпатизируют Польше. После обеда к нам пришли несколько офицеров, по происхождению поляков, с огромным блудом прекраснейших яблок. Когда наши конвоиры на минуту отошли, они говорили с нами по-польски, открыто сожалея о нашей участи” [13. Т. 2. S. 129].

Практически вся жизнь Я.Д. Охоцкого (1766/68–1848) связана с Волынью, а именно, с двором киевского воеводы Ю. Стемповского. Написанные им на закате жизни в Житомире “Воспоминания” рисуют картину шляхетской идиллии. Охоцкий вспоминает культуру гостеприимства, ожидание гостей с самого воскресного утра и этикет проводов с вином до самой кареты при прощании. Мемуарист фиксирует, что в состоятельных семьях детям “с прислугой, с одной стороны, запрещались любые доверительные отношения, но с другой, дети не имели права ей приказывать, а лишь обо всем вежливо просить”, сразу же добавляя, что все уважаемые граждане имели в услужении исключительно лично свободных людей, которые, правда, в присутствии барского ребенка не имели права ни садиться, ни стоять в шапке [14. S. 45–46]. Охоцкий очень детально описывает жизнь помещичьего имения, все категории слуг и их одежду, а затем решительно приписывает взрыв Колиивщины недальновидности магнатов, “из-за беспорядка и безразличия которых страна перенесла настолько болезненные удары” [14. S. 108].

Колиивщина – массовое движение и острейшее проявление социальной ненависти, вспыхнувшее в 1768 г., надолго осталась в памяти шляхты. Описывая свое путешествие в 1825 г. в Крым, путь куда пролегал через Умань, К. Качков-

ский рассказывает, как искал в этом городе старых людей, чтобы поговорить с ними о гайдамаках. По сообщениям стариков он находит места, где городские жители пытались укрыться от восставших и заброшенный колодец, куда сбрасывали трупы горожан [15. S. 52].

Крупнейший польский политический мыслитель Просвещения Г. Коллонтай отмечает, что наиболее кровопролитные волнения происходили на территориях, населенных православными и униатами. Коллонтай винит в этом польское правительство, не уделявшее внимания просвещению жителей этих земель. Доказывая, что вопросом первостепенной важности является обучение низшего православного духовенства, Коллонтай предлагает открыть в украинских воеводствах университет, а при нем – большую общую для православных и католических священников семинарию, которая должна была бы подготовить почву для добровольной унии тех, кто оставался верным православию [16. S. 155–160].

Таким образом, память о Колиивщине и убежденность в деструктивной для Польши пророссийской позиции православного клира оставались важнейшими элементами мышления о “кресах”. Интересно, что, несмотря на это, Охоцкий весьма критически относится к слухам о возможности новых социальных волнений православного населения, которые овладели умами шляхты в 1780-е годы. Они отразили, в частности, уровень незнания и непонимания шляхтой особенностей православного богослужения, отсутствие четкого понимания отличий православных и униатов (“побаивались и униатского духовенства, не замышлявшего ничего злого” [14. S. 197]), а также страх перед восточным христианством. Образованная шляхта, вспоминая Колиивщину, верила слухам о российских агентах, побуждавших православных священников призывать крестьян “резать панов”, об освящении теми же священниками ножей, а еще об упоминаниях в православном богослужении императрицы, т.е. Екатерины II, которые на самом деле были упоминаниями Богородицы [17. С. 199–202]. Охоцкий пишет о якобы задержанных крестьянских возах “с бочками, полными ножей ужасающего размера с какими-то будто бы крюками для вырывания внутренностей” и добавляет, что тех ножей никто не видел, зато в Варшаве их муляжи массово вырезали из бумаги и отправляли в провинцию. А всеобщая паника привела к тому, что “много невинных жертв (из числа русинских крестьян. – А.П.) рассталось с жизнью под топором палача в Житомире” [14. S. 298, 300].

Несколько иные эпизоды из религиозной жизни вспоминает С. Букар (ок. 1774–1853), потомственный владелец Янушиполя на Подолии, участник торжественной делегации подольской шляхты в Петербург, утверждавший, что написал свои мемуары исключительно для собственных детей: “В торжественные праздники, поскольку тогда еще по всей стране сохранялась уния, весь двор слушал службу Божью не в каплице, а в церкви, а капелла на хорах подыгрывала певчим” [18. S. 8]. Далее Букар подробно описывает обычный день помещика, вспоминает путешествие через губернию Екатерины II, когда его отец перед встречей императрицы в Лабуни переделал один из залов тамошнего дворца в точную копию королевского дворца в Варшаве [18. S. 12–17].

Малопривлекательную картину шляхетской жизни оставил в своих воспоминаниях А. Мощенский (1742–1823), выходец из Великопольши, переехавший на Киевщину, чтобы служить одному из крупнейших магнатов – Щ. Потоцкому и оставшийся верным ему на всю жизнь. Критические оценки Мощенского даже вызвали замечание издателя его мемуаров, что, мол, в жизни этот человек отличался скорее сервильизмом, чем вольнодумством. Объектом критики становятся шляхетские обычай, прежде всего воздаяния Бахусу, религиозные предрассудки с верой в духов. Мощенский не в восторге от уровня образованности и

морали католического клира и населения, но гораздо жестче осуждает все же духовенство униатское, по всей видимости, не до конца отличая его от православного: “Греко-униатские священники, т.е. попы или парохи, были еще необразованнее; они едва умели читать Псалтырь, не знали ни моральной теологии, ни основ веры; полны предрассудков, не ходили в иезуитские школы, ибо там не учат по-русски… Среди униатских попов или парохов почти не было шляхты. Попы преимущественно были подданными из тех же сел, где и становились парохами” [19. S. 19]. Магнатов, которые как правило не жили на Украине, а свои поместья поручали комиссарам, Мощенский упрекал в недостаточном внимании к нуждам католической церкви: “Не думая о всеобщем благополучии, они желали, дабы в их поместьях строились церкви, а не католические костелы, ибо церкви им не стоили ничего, кроме дерева, выданного общине на строительство, тогда как обустройство латинского костела требует средств” [19. S. 21].

Таким образом, во всех рассмотренных текстах, написанных представителями разных слоев польской шляхты, простой народ восточных провинций Речи Посполитой, а после ее разделов – западных губерний Российской империи, практически отсутствует. Как справедливо отметил, анализируя под тем же самым углом зрения иной круг источников Т. Будревич, в польских описаниях Беларуссии, Литвы и Украины XIX в. пейзаж преобладал над людьми [20. S. 55]. В то же время эмоциональные акценты другого вывода Будревича кажутся скорее данью современной политкорректности: “Следует с чувством определенного разочарования сказать, что этот образ (крестьянина кресов. – А.П.) достаточно односторонний” [20. S. 52]. Аналогичное впечатление оставляет один из тезисов Д. Бовуа в его замечательном исследовании системы образования в литовско-украинско-белорусских землях начала XIX в.: “Наиболее странной для наблюдателя XX столетия является, пожалуй, отсутствие в этом замкнутом польском мире коренных литовско-русских культур” [21. S. 366]. Возможно, способ представления крестьян в польских мемуарах и может несколько огорчить или удивить современного человека, но это не мешает попытке понять его и не требовать от людей начала XIX в., чтобы они мыслили нашими категориями.

В концепции нации эпохи Просвещения язык и культурные особенности низших сословий не играли решающей роли, тем более, что революционная Франция предлагала и способ решения этой проблемы – языковую и культурную унификацию. Польские концепции нации после разделов постепенно открывают двери в национальное сообщество мещанам и крестьянству, но делают это преимущественно в теоретической, а не практической плоскости и основываются на солидаристской модели, т.е. приглашении этих групп к национальному бытию шляхты, а не отторжению последнего [7. S. 96–97].

Сознательному переосмыслению сословной природы нации предшествует опыт инструментального использования крестьянского фактора во время восстания Т. Костюшко 1794 г. В этой репетиции позднейшей “борьбы за души” Костюшко предложил личное освобождение крестьян и идею воспитания православных и униатов в польском культурно-языковом духе; а российская администрация в своих воззваниях к крестьянам призывала их поставить государственный интерес выше верности землевладельцам (см. [22. S. 314–318]). После подавления восстания российская элита “вспомнила” о своей сословной принадлежности, и это ярко продемонстрировало исключительно тактический характер одной из первых попыток империи искать опору в зависимом, а не господствующем сословии.

Процесс перехода от историко-политической к языково-этнической концепции польской нации, связанный и с переосмыслением роли этнически неполь-

ского крестьянства (особенно в контексте опыта восстания 1830 г.) отразился в текстах польских патриотов, оказавшихся в эмиграции.

Я. Яворский в “Украинских воспоминаниях”, изданных в 1846 г. в Париже, признает, что о зависимом населении задумался уже в эмиграции. По его мнению, “Польша упала потому, что мы никогда не имели доброй мысли об угнетенном народе, и не имеют еще многие из нас в эмиграции”, а на защиту родины крестьян следовало призвать “не как холопов, крепостных, но как поляков, сынов одной матери и одного отца” (цит. по: [23. С. 305, 307]). Яворский предполагает, что в случае игнорирования участниками следующего польского восстания населения Волыни, Подолии и Киевщины, эти земли “уже никогда не будут в одних границах с Польшей” и тогда “народ этих провинций, вероятно, сбросит сам ярмо своей неволи и станет отдельным независимым государством” (цит. по: [23. С. 313]).

Предположения Яворского кажутся скорее предостережением для его польских читателей, однако чрезвычайно важной остается принципиальная убежденность в отличиях “народа этих провинций” от великороссов. Этот акцент, очень распространенный в польской политической мысли, содержится и в эмиграционном издании “Беларусь. Несколько слов поэзии простого народа этой нашей польской провинции” А. Рыпинского. Говоря о принципиальном “отвращении” белорусских крестьян ко всему московскому, Рыпинский пишет: “Это Русь, насколько она есть и будет польскою, составляет нераздельную часть нашего дорогого отечества... Живет здесь простой народ славянского племени, издавна тесно породнившийся с семью ляхов, честный, но убогий, и мало известный даже собственной отчизне его, Польше, хотя он любит ее выше всего” (цит. по: [24. С. 684]).

Противоречия между осознанием этнической специфики зависимых сословий и стремлением возродить Польшу в границах Речи Посполитой 1772 г. были непростым вызовом для польской политической мысли середины XIX в. Отвечая на него, польские мыслители ссылались на французский опыт, доказывая, что несмотря на этнические особенности, “русины и ляхи... всегда составляли один польский народ” [25. S. 11]. В этой достаточно типичной цитате стоит обратить внимание на использование слов “ляхи” и “поляки” приблизительно в том же семантическом соотношении, что “англичане” и “britанцы”. Кроме того они выдвигали разнообразные концепции федерации наций во главе с Польшей и, что особенно важно для развития украинского национального движения, последовательно убеждали русинов в их отличии от великороссов. Хотя при этом уверенность в национальном выборе русинов отсутствовала – цитированный выше Бущинский, например, доказывает, что развитие русинского национального сознания – это “игра на руку Москве” [25. S. 55, 146].

Как отметил А. Валицкий, для польского национального движения принятие этнической концепции нации и ограничение национального сообщества этно-культурными границами было связано с болезненным “уменьшением Родины”, особенно, принимая во внимание, пространство расселения польской шляхты [7. S. 121, 141].

Но в первой трети XIX в. такое уменьшение было далеко не очевидным, скорее наоборот. Парадоксальным образом, трагедия потери государства, исчезновение Речи Посполитой с политической карты Европы стимулировали поиски новых концепций. Последние годы XVIII и первая треть XIX в. стали временем новых возможностей, когда значительная часть польских элит верила, что наследник виновницы недавних разделов возродит историческую Польшу. Это

было время, когда сын одного из польских магнатов, чьим поместьям угрожала конфискация за поддержку антироссийских выступлений, А.Е. Чарторижский стал ближайшим другом императора Александра I и возглавил министерство иностранных дел (1804–1806); когда польский философ С. Стасиц выдвинул идею объединения вокруг России славянских племен и верил, что поляки могут выполнить в империи миссию, аналогичную с миссией греков в древнем Риме (“Объединимся с Россией и будем просвещаться. Мы возьмем от нее могущество, она пусть берет от нас просвещение” (цит. по: [26. S. 236]); а поэт – недавний участник восстания Костюшко – писал о реалиях российского господства на “кресах”: “Хотя и без Польши, но мы в Польше, и мы – поляки” [26. S. 274]. Этот период продолжался совсем недолго, уже во время наполеоновских войн ситуация начинает изменяться, польские элиты разочаруются в Российской империи, и с целью противостояния ее экспансии будут вынуждены обратиться к этническим концепциям нации, что в свою очередь спровоцирует на противодействие и российское общественное мнение и зарождающиеся литовское, украинское и белорусское национальные движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.
2. *Kizwaler T.* O nowoczesności narodu. Przypadek Polski. Warszawa, 1999.
3. *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. М., 2004.
4. Bo insza jest rzecz zdradzić, insza dać się złudzić. Problem zdrady w Polsce przełomu XVIII i XIX w. Warszawa, 1995.
5. *Wojtowicz J.* Społeczeństwo polskie po trzecim rozbiorze. Opór-przystosowanie-kolaboracja // Oświeceni wobec rozbiorów Polski. Łódź, 1998.
6. *Mościcki H.* Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi. Wilno, 1913. T. 1. 1772–1800.
7. *Walicki A.* Idea narodu w polskiej myśli oświecenowej. Warszawa, 2000.
8. *Karpinski Fr.* Pamiętniki. Poznań, 1844.
9. *Sobol R.* Karpinski Frantiszek // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966–1967. T. XII.
10. *Ogiński M.* Pamiętnik o Polsce i Polakach. Poznań, 1870. T. III.
11. *Карамзин Н.М.* Мнение русского гражданина // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002.
12. *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985.
13. *Niemczewicz J.U.* Pamiętniki czasów moich. Warszawa, 1957.
14. *Ochocki J.D.* Pamiętniki. Wilno, 1857. T. 1.
15. *Kaczkowski K.* Dziennik podróży do Krymu, odbytej w roku 1825. Warszawa, 1829.
16. *Kołykaj H.* Listy Anonima i prawo polityczne narodu polskiego. Warszawa, 1954. T. 2.
17. *Мякотин В.* Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб., 1889.
18. *Bukar S.* Pamiętniki z końca XVIII i początków wieku XIX. Warszawa, 1914.
19. *Mosczeński A.* Pamiętnik do historii Polskiej w ostatnich latach panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Poniatowskiego. Warszawa, 1905.
20. *Budrewicz T.* Obraz chłopa z kresów w piśmiennictwie polskim XIX wieku // Chłopi, naród, kultura. Rzeszów, 1997. T. 3.
21. *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich, 1803–1832. Rzym; Lublin, 1991. T. 2: Szkoły podstawowe i średnie.
22. *Zytkowicz L.* Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–1797. Wilno, 1938.
23. *Пыпин А.* Обзор малорусской этнографии // Вестник Европы. 1886. № 3.
24. *Пыпин А.* Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. № 4.
25. *Buszczyński S.* Podole, Wołyń i Ukraina. Lwów, 1862.
26. *Kozłan K.* Pamiętniki. Poznań, 1858. Od. 1.